

Метка души подобна татуировке: нанести легко, смыть трудно, оставить — позор. Она снова и снова напоминает всем, что ее обладатель — игрушка демона.

Лу Юньчжэнь, будучи простым смертным, пережил бесчисленные мучения в бесконечных перерождениях. Его душа и клеймо так тесно переплелись, что он не мог выдержать мощных заклинаний, а отделить их было еще труднее.

Мо Чанкун был хорош в бою, но не в тактике. Он долго ломал голову, раздумывая над тем, как снять метку, но так и не нашел подходящего решения. Ему нравилась эта метка, которая символизирует, что шизун принадлежит ему, но это было неправильно: людям это не нравится, и шизун тоже был против. Это ранило его достоинство, поэтому метку необходимо было удалить.

Плохие вещи трудно отменить, он горько раскаивался.

Мо Чанкун поправил одеяло на Лу Юньчжэне, схватил лиса, который пытался затеять ссору, и потащил его в угол двора. Затем он сказал тихим, но твердым голосом:

— Я собираюсь попросить друга о помощи, чтобы стереть метку.

— Кого ты можешь попросить? У тебя есть друзья? — язвительно усмехнулся Ху Суй, — Ты всегда был одиночкой, делал что хотел. Все друзья шизуна были тобой обижены, они ненавидят тебя до глубины души.

Каждое его слово было правдой.

Мо Чанкун долго молчал, затем хрипло произнес:

— Это ради шизуна. Они помогут. Я... попрошу как следует...

Ху Суй перебил его:

— Кого ты собираешься просить?

Такие случаи были крайне редки, ведь сила метки и души была несоизмерима. Это было все равно что пытаться перенести гору, не повредив спрятанное внутри яйцо. Любая неосторожность могла привести к непоправимым последствиям.

Связь между двумя людьми, скрепленная временем, стала уникальным случаем. Кто из обычных культиваторов будет изучать такое? Кому захочется тратить на это время?

Мо Чанкун медлил, потому что не знал, кого просить. Дело касалось черного прошлого шизуна, и он не мог открыто расспрашивать всех подряд. Но дело затягивалось, и демонов, узнавших о нем, становилось все больше. Рано или поздно правда вскроется. Что будет, если шизун узнает о его безумии и мерзости и захочет уйти?

Он боялся даже представить это...

Мо Чанкун сжал кулаки так сильно, что костяшки побелели. Спустя долгое время он вдруг понял, зачем Ху Суй пришел к нему, и нетерпеливо спросил:

— У тебя есть решение?!

— Старший брат, наконец-то ты догадался, — Ху Суй самодовольно взмахнул своим большим хвостом. — Я уже большой лис, и не мог не подготовиться к проблемам шизуна.

После трех дней разлуки относитесь друг к другу с восхищением*. Он уже давно перестал быть бесполезным!

(ПП: Это означает, что даже если вы не виделись три дня, другие добились прогресса, то есть вы больше не можете смотреть на них прежними глазами)

Мо Чанкун был в восторге и похвалил:

- Отличная работа!

- Хотя я не могу полностью убрать клеймо, но могу с помощью иллюзий лис из Цинцю скрыть его, - сказал Ху Суй, объясняя заранее подготовленный план, - В любом случае, клеймо не вредит телу шизуна и даже помогает отгонять низших демонов. Нам нужно лишь сделать так, чтобы для других оно выглядело как обычное клеймо демона.

Это не решало проблему полностью, но и этого было достаточно. Мо Чанкун почувствовал огромное облегчение и глубоко вздохнул.

Он не был силен в словах, поэтому лишь мысленно решил: если эта лиса будет буянить, капризничать или просить внимания, он постарается терпеть это. Он позволит ему использовать звериную форму, чтобы забираться в кровать и спать рядом с шизуном. Если встретится достойный демон или злой дух, он убьет его и принесет его ядро лисе в качестве благодарности.

- Не стоит благодарности, - сжавшись от гнева, Ху Суй вспомнил все неприятности последних лет и не смог удержаться от сарказма, - Старший брат наслаждается жизнью, а мы разгребаем его бардак.

Мо Чанкун тихо спросил:

- Мы? Цзиньнянь?

- Не упоминай этого чертова старого хрыча. Он теперь большой чиновник в Небесном царстве, занят до невозможности, у него нет времени на нас, - Ху Суй заметил, что сказал лишнее, и сменил тему, - Пойдем, пока шизун пьян, быстренько займемся клеймом.

Шизун учил: хорошие дети должны быть честными.

Старший брат учил: честность - это когда делаешь плохие вещи чисто и не оставляешь следов, чтобы шизун и Хэ Цзиньнянь не узнали.

Ху Суй любил шизуна, но еще больше он предпочитал слушаться старшего брата. Сегодня он напоил шизуна большим количеством алкоголя, уговаривал всякими способами: сначала белое вино, потом пиво. В итоге ему удалось добиться своего, и довольно легко...

Они вернулись в спальню Лу Юньчжэня, где была установлена магическая формация из духовных камней, и воздух был комфортным. Мо Чанкун боялся, что шизун простудится, поэтому включил обогреватель на 28 градусов и накрыл его толстым одеялом.

Слишком жарко... Лу Юньчжэнь давно сбросил одеяло, подушка упала на пол, и он повернулся, раскинувшись во сне. Мо Чанкун, обладая большим опытом, заметил:

- Он крепко спит.

Когда шизун притворялся или дремал, он всегда был аккуратен и держался с достоинством. Только крепко заснув, он позволял себе расслабиться. Когда Мо Чанкун ложился рядом с шизуном, тот постоянно ворочался, иногда нечаянно задевал его, что пробуждало звериные инстинкты и побуждало к действию.

Ху Суй тоже был уверен:

- Он спит.

Когда он был маленьким и не мог свободно передвигаться, он любил капризничать и просить шизуна держать его на руках, пока он спал. Шизун ласково гладил его, и ему было так комфортно, но однажды среди ночи он получил пинок и упал на пол, горько заплакав. Шизун проснулся и извинился... После нескольких таких случаев он отчаялся и стал спать вместе с первым и вторым старшими братьями.

Ху Суй достал из своего пространственного мешка белую свечу и зажег ее на прикроватной

тумбочке. От свечи распространился легкий и приятный аромат, напоминающий смесь сотен цветов, вызывая легкое головокружение.

Мо Чанкун, обладая острым обонянием, с трудом смог распознать в этом аромате красную марену и цветок дурмана, которые используются для успокоения души.

- Это успокаивающая свеча Цинцю, - объяснил Ху Суй, заметив его замешательство. - Чтобы внедрить метку глубоко в душу, мне нужно, чтобы шизун не сопротивлялся и не защищался. Старший брат, ты же таким образом и вбил свою метку, верно?

Последняя его фраза была пропитана насмешкой и сарказмом.

Мо Чанкун почувствовал глубочайший стыд и не мог возразить, ведь он действительно воспользовался моментом, когда шизун был в состоянии великого блаженства, чтобы насильно внедрить свою метку.

Теперь же, когда все дошло до этого, исправление важнее осуждения.

Свеча для медитации была лишь вспомогательным инструментом для заклинания, аналогично благовониям, которые гипнотизеры используют, чтобы ввести пациента в транс. Все цветы и травы внутри свечи были абсолютно безопасны и не причиняли вреда человеческому телу.

Ху Суй мягко запел древнее заклинание, и в его ладони появилось множество крошечных светящихся точек, словно маленькие красивые светлячки. Они медленно полетели к телу Лу Юньчжэня, окутывая его целиком, затем начали проникать в его сознание, пытаясь заблокировать мощную печать.

Вдруг светлячки разлетелись, и заклинание провалилось. Мо Чанкун с сомнением посмотрел на этого ненадежного парня, испытывая беспокойство.

- Спокойно, не паникуй, - Ху Суй вновь начал читать заклинание, - Я попробую еще раз.

Он сделал знак в воздухе, и светлячки снова собрались в его ладони... Но как только они коснулись тела Лу Юньчжэня, светящиеся точки снова рассеялись. Ху Суй повторил неудачную попытку несколько раз, так что на его лбу выступил пот.

Мо Чанкун был встревожен. Этот лис раньше избегал трудностей и ленился, когда обучался искусству, и всегда что-то шло не так. Но кто бы мог подумать, что спустя тысячелетие он все так же допускает ошибки, да еще в такой важный момент. Он не удержался и спросил:

- Ты справишься?

- Твоя аура слишком сильна! Она взаимодействует с клеймом и ослабляет эффект контроля, - Ху Суй был так же обеспокоен. Он резко обернулся и бросил на Мо Чанкуна сердитый взгляд, приказывая, - Все из-за тебя, старший брат! Либо выйди отсюда, либо полностью подави всю свою демоническую энергию! Не допускай даже малейшей утечки!

Правила никчемного лиса из Цинцю всегда были сложными. Мо Чанкун быстро убрал защитную ауру, спрятав ее глубоко в сознании, и даже не осмеливался громко дышать.

Ху Суй снова начал читать заклинание, и на этот раз все прошло гладко. Светлячки соприкоснулись с клеймом, покрывая его иллюзией. Запах обладания на клейме постепенно изменился, превращаясь в защитную метку демонов, символизирующую, что этот человек принадлежит к области влияния великого демона — одна из распространенных меток.

Он вздохнул с облегчением:

- Дело сделано.

Мо Чанкун проверил эффект иллюзии, и пока никто не пытался специально исследовать внутреннее состояние, обман не будет раскрыт. Если же кто-то осмелится исследовать с помощью сознания... Неужели они думают, что он исправился и боится снова убивать?

Шизун спрятал клеймо очень хорошо, и знали о нем немногие. Позже он снова пригрозит Цзин Юну, а затем напишет письмо Ань, чтобы она хорошенько воспитывала Ами и не позволяла ей болтать, иначе он пригрозит вырвать ей внутреннее ядро. Так он сможет решить этот вопрос!

Клеймо оставалось на месте, проблема решена, идеально.

Мо Чанкун с удовлетворением поправил одеяло на шизуне, увеличив температуру кондиционера на два градуса. Он собирался вернуться в свою комнату, чтобы отдохнуть, но Ху Суй сказал, что заклинание потребовало слишком много сил, и он заказал несколько десятков сетов KFC, предложив ему пойти поесть и заодно выпить оставшееся пиво.

Он охотно согласился.

Лун Цзинтянь, казалось, поссорился с Цзин Юну. Он сидел в гостиной на диване с покрасневшими глазами и говорил, что хочет вернуться домой. Мо Чанкун знал, что людям запрещено водить машину в нетрезвом виде, а температура была слишком низкой, чтобы рисковать идти пешком. Он не стал слушать никаких оправданий, просто потащил его в гостевую комнату, бросил на кровать одеяло и приказал не уходить до следующего дня.

Универсальный менеджер Ху Суя отправил своих людей, чтобы принести жареную курицу. Мо Чанкун ел с отличным настроением. Ху Суй долго его изучал, а потом вдруг спросил:

— Старший брат, мы поступаем правильно?

Мо Чанкун посмотрел на него с недоумением.

— Я серьезно задумался, — осторожно начал Ху Суй, — Что если... шизун узнает, что мы замыслием против него? Может, стоит признаться и рассказать правду?

Мо Чанкун холодно спросил:

— Какую правду ты хочешь рассказать?

— Что же на самом деле произошло тогда? — Ху Суй, дрожа от напряжения, упорно продолжал спрашивать, — Я помню, в те дни твой характер стал меняться, ты становился все более неуравновешенным. В конце концов, за одну ночь все перевернулось. Цзиньнян пытался тебя отговорить, я тоже умолял, но ты все равно выбрал путь без возврата...

Мо Чанкун был разоблачен в своих деяниях против шизуна. Мир бессмертных был потрясен, но новости не обладали такой эффективностью, как современные СМИ, дело не получило широкого распространения, поэтому ситуация не была столь серьезной. Мо Чанкун нарушил моральные устои, но он и раньше не был примером добродетели. Его проступок был серьезным этическим нарушением, но не нанес вреда другим и касался только внутренних дел Пика Уцзянь.

Шизун, хоть и был опозорен, все же не собирался исключать Мо Чанкуна из секты. Он предпочел объявить, что Мо Чанкун стал жертвой козней и потерял контроль над собой, решив лишь наказать его многовековым заключением, чтобы тот успокоился и обдумал свои поступки.

Мо Чанкун сразу пошел на конфронтацию, оставил секту, ранил шизуна и насильно увел его, проявив худшие зверские наклонности. Ситуация лишь усугублялась. Никто не мог уговорить его остановиться, и это превратилось в посмешище для всего мира. Он убил многих праведных культиваторов, которые пытались уничтожить его или осуждали за аморальное поведение, став врагом всех трех царств.

Чем больше противников приходило, тем более жестоким и безумным он становился, все больше теряя рассудок. Он стал повелителем всех демонов и разрушил Яншань, вызвав гнев небес.

В конце концов, его постигла нынешняя судьба.

.....

Ху Суй снова спросил:

— Почему? Здесь есть какая-то скрытая правда?

— Нет никакой скрытой правды, — твердо сказал Мо Чанкун, — Не копайся больше, это все мои ошибки.

— Но Пик Уцзянь был уничтожен...

— Ты ведь отправился к госпоже Цзинь Лин, не так ли? — Мо Чанкун не понимал его гнева. На Пике Уцзянь остались только несколько развалин, ни духа, ни ресурсов, ничего, что могло бы сравниться с Тайным царством Десяти тысяч яо госпожи Цзинь Лин, куда все яо стремились попасть, толкаясь локтями.

Ху Суй не мог владеть мечом, и оставаться на Пике Уцзянь для него было бы бесполезно. Шизун давно говорил, что отправит его в Тайное царство Десяти тысяч яо на обучение.

— Ты достиг невероятных высот в мастерстве под контролем госпожи Цзинь Лин, твоя демоническая сила и владение меридианами поразительны, движения координированы, — Мо Чанкун был доволен, — Твое превращение в великого демона — большая удача.

Ху Суй по своей натуре беззаботен, не умен, не старателен и лишен талантов, из-за чего шизун всегда беспокоился о его пути совершенствования. На пути совершенствования нет тех, кто не старается. Именно талант и удача являются ключевыми факторами, определяющими все.

Лис Цинцю, рожденный с инвалидностью, может погибнуть в любой момент. Никто не знает, сколько ему потребовалось удачи, чтобы достичь такого уровня, и он по праву является чудом среди яо. Когда он был в тюрьме, он даже не мог надеяться на то, что когда-нибудь увидит А-Суя снова.

Ху Суй внезапно улыбнулся и снова спросил:

— Ты правда считаешь, что мне повезло?

Мо Чанкун ответил:

— Да, очень повезло.

— Ха-ха, верно сказано, мне действительно повезло, — Ху Суй улыбнулся и перевел тему, радостно рассказывая о забавных случаях, произошедших во время его пути совершенствования. — Знаешь ли ты, что у госпожи Цзинь Лин есть старая обезьяна?

Ночь была глубока, ветер и снег не прекращались.

Мо Чанкун вернулся в комнату, чтобы отдохнуть. Ху Суй открыл дверь и ловко прыгнул на крышу, покрытую снегом. Он поднял руку, и в воздухе появилась золотая птица, которая опустила крошечный белый нефритовый свиток в его ладонь.

— Моя удача?

Ху Суй убрал свиток и мягко улыбнулся. Его черные волосы превратились в белые, длинные пряди ниспадали вниз, девять огромных лисьих хвостов распахнулись в воздухе, а глаза превратились в золотые звериные зрачки, наполненные тонкой ненавистью.

— Старший брат, ты всегда такой...

Маска притворной наивности и глупости спала, в его выражении остались лишь уникальная холодность расы демонов, жестокость дикого зверя, играющего с добычей.

— Эгоистичный и своенравный, причиняешь боль, не осознавая этого...

В руке Ху Суя появилась пипа из белых костей, украшенная резьбой с изображением феникса и цветка баосян, излучающая зловещий ужас. В бескрайнем белом снегу он нежно провел пальцами по струнам, и пипа издала искаженный, фальшивый звук, который постепенно распространился.

Мир слегка исказился под звуком пипы.

— Дорогой старший брат, семена уже посеяны.

— Удачи тебе...

<http://bllate.org/book/13607/1206723>